

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

МУЗЕЙ ИСТОРИИ

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ
УЗБЕКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ • 1963

Ю. ПУЛАТОВ, А. МИРХАЛИКОВ

К ИСТОРИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(из оружейных коллекций Музея)

Огнестрельное оружие впервые в Средней Азии стало применяться в армии Тимура и тимуридов (XIV—XV вв.).

Приход к власти Тимура ознаменовался большими переменами в области военного дела. Тимуру приходилось осаждать многие города. Естественно, что он не мог не обратить внимания на огнестрельное оружие, о котором до него должны были дойти слухи. Сведения о применении огнестрельного оружия тимуридскими войсками впервые встречаются в малоизученной хронике XV в. Натанзи, повествующей об осаде Тимуром Хорезма в 1379 г. Здесь сообщается следующее: «После долгих приготовлений начали воздвигать манджанки и аррода и устанавливать и прилаживать раъд и карабурга»¹.

Из этого сообщения характерен приведенный термин раъд, что по-арабски означает «гром». До этого времени к оружию такой термин не применялся. Появление его можно объяснить лишь впечатлением, произведенным именно огнестрельным оружием. При тимуридах раъд применялся во время похода Шахруха в 1446 г. против царевича Султана Мухаммеда. Историк Мирхонд рассказывает: «Однажды его величество (Шахрух) отправился верхом на осмотр комони-раъда, который был изготовлен Фарруком-литейщиком (рех-тагар) и который выбрасывал камень весом в 400 менов. Происходило это в местности Базигохи»².

Раъд также применялся во второй половине XV в., главным образом во время правления султана Хусейна (1470—1506 гг.). Вышеприведенные сообщения не оставляют сомнения в том, что раъд или комони-раъд были огнестрельными орудиями, снарядами для которых служили каменные

¹ А. М. Беленицкий, О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XV вв., «Известия таджикского филиала АН СССР», 1949, № 15.

² А. М. Беленицкий, указ. соч.

ядра. Хотя орудия применялись главным образом при осадах крепостей, они предназначались также и для поражения живой силы противника.

В XVI в., как рассказывает Бабур, р а ъ д применялся при походе султана Хусейна против владельца Хисара (нынешний Таджикистан). Бабур описывает осаду этой крепости таким образом: «Ни днем, ни ночью не приостанавливались подкопные работы, метание (удары) камней и действия казанов»³.

Первые сообщения о технике изготовления орудий мы находим у Бабура. В 1526—1527 гг. приказ об изготовлении большого казана был отдан мастеру Али-Кули. Сам Бабур присутствовал во время его отливки. Вот что он пишет: «Когда печи и все необходимые приспособления были готовы, он (Али-Кули) послал за мной. В понедельник 15 мухаррема мы отправились для наблюдения за ходом отливки. Вокруг форм (калыб) казана было сложено восемь печей, в которых находился расплавленный металл. От каждого из горнов к форме казана были отведены каналы. Когда мы прибыли, он открыл выходные отверстия. Расплавленный металл, точно вода, устремился по всем каналам к форме. Через некоторое время, до того как вся форма оказалась заполненной, металл перестал течь по каналам. Не то в горнах, не то в самом металле оказался какой-то изъян. Мастер Али-Кули настолько был этим расстроен, что готов был броситься в форму с расплавленной медью. Однако я его успокоил и пожаловал ему халат, чтобы он забыл неудачу. После этого мы отправились назад. Через несколько дней после того, как форма остыла, ее открыли. Мастер Али-Кули с большой радостью прислал сказать, что ствол (таш уй) получился без изъяна, а изготовить камеру для пороха (дорухона) будет легко. После этого извлекли (из формы) ствол и назначили людей для его отделки. Сам же Али-Кули занялся отливкой камеры для пороха. Когда камера была полностью готова, то был сделан пробный выстрел, причем камень пролетел 1600 шагов»⁴.

Благодаря этому рассказу Бабура мы с достаточной определенностью можем говорить о конструкции казана, основной особенностью которого являлось наличие отдельной от ствола камеры для порохового заряда. Не совсем лишь ясно, являлась ли эта камера вставной или прикладной. Само название орудия «котел» говорит о том, что оно

³ А. М. Беленицкий, указ. соч.; казан — название артиллерийского оружия.

⁴ А. М. Беленицкий, указ. соч., стр. 27.

являлось орудием типа мортиры, видимо, аналогичной тем европейским орудиям, которые назывались бомбардами. Эти казаны в большинстве случаев применялись при осаде крепостей и давали в день от 8 до 16 выстрелов.

Помимо казанов, в войске Бабура применялись и другие виды огнестрельного оружия. К ним относятся туфан и туфанг, туп, зарбзан и фиринги, а также раъд. Стрелки из туфангов и раъд в бою находились в первом ряду. Главными помощниками Бабура в производстве огнестрельного оружия были мастера Али-Кули-хорезмиец и Мустафа. Основным артиллерийским орудием во второй половине XVI в. оставался казан. Доставка орудия на место боя была делом очень трудным, поэтому их изготовляли на месте, у осаждаемой крепости. Подробно об этом пишет в книге «Абдулла-намэ» Хафиза Тониши.

Во время осады в 1585 г. Абдуллаханом г. Герата было изготовлено 7 котлов, местом их отливки был выбран двор знаменитого медресе Гаухар-шад, находящегося в непосредственной близости к крепости. Котлы перевозились посредством цепей, следовательно, орудие еще не имело колесного лафета. В качестве снаряда служили каменные ядра. Котлы устанавливались в наиболее ответственных пунктах линии осады — против цитадели, башен, ворот, причем, помимо непосредственно обслуживающего орудие расчета, назначались восначальники для его охраны.

Из других видов огнестрельного оружия при осаде употреблялся зарбзан, стрелявший каменными ядрами. Он был меньшим по величине, чем казан, и более скорострельным оружием.

Во второй половине XVI в. в войсках среднеазиатских правителей наибольшее применение находит орудие под названием туп, которое наравне с замбуряком стало в последующие века основным видом артиллерийского оружия.

В Средней Азии в XVI в. производились все виды огнестрельного оружия. Здесь жили такие знаменитые литейщики, как Усто Рухи, Мир (или Миран) тупбаши, Мир Касым-рехтагар, Ходжа Курбан и другие.

В XVIII—XIX вв. в Кокандском и Бухарском ханствах оружейное дело достигло весьма высокого уровня. В 1795 г. чиновник горного ведомства России Т. С. Бурнашев, посетивший Бухару, писал, что «бухарцы сами лют из меди пушки и из чугунной ломы пушечные ядра. Из выплавляемого же ими свинца делают ружейные пули. Свинцовые руды находятся близ Бухары, которые плавят они в небольших горнах без всякого искусства и с большой потерей металла, а также

производят и литье... снарядов. Они сами делают и порох, но слабее российского»⁵.

По преданию, первую пушку в Ташкенте отлили в 1780 г. из отобранной у населения медной посуды. В дальнейшем ташкентцы отливали пушки из меди, ввезенной из России⁶. Бухарский эмир Насрулла (1827—1860 гг.) в борьбе с феодальной раздробленностью и в стремлении расширить границы своего государства уделял большое внимание укреплению своего войска. В его правление в Бухаре из пленных русских и персиян был составлен батальон сарбазов в 800 человек, остальные (немногим более 250 человек) были выделены в артиллерию (тупчи).

Батальон сарбазов был первым регулярным войском в Средней Азии, вооруженным огнестрельным оружием и живущим постоянно в казармах. Сарбазы и тупчи служили бессрочно. В мирное время они жили со своими семьями в слободке в отведенных им домах и занимались ремеслом и торговлей.

По сведениям русских пленных, в армии эмира Насруллы насчитывалось 50 орудий разного калибра, годных к употреблению и снабженных всем необходимым для похода; 32 из них находились в самой Бухаре, 10—в Ура-тюбе и др.⁷.

В Бухаре все работы по изготовлению орудий выполнялись вольнонаемными мастерами. Особых мастерских для литья пушек и артиллерийских снарядов не было. Литейные работы производились самаркандскими мастерами, которые славились своим искусством обработки металлических изделий. Государственных пороховых заводов не было, а имелось много частных пороховых мельниц в г. Карши и других местах. Основным материалом для литья пушек была медь. В верховьях реки Зеравшан, в горах Нурата, к северо-востоку от Бухары добывалась медная руда; свинец преимущественно привозился из Гузара.

В годы первых походов в Среднюю Азию царские войска были вооружены очень старыми пушками, некоторые из них были изготовлены еще в эпоху наполеоновских войн. В отдельных случаях среднеазиатские орудия были по дальности выше, чем пушки царской армии. При последовавших затем неоднократных перевооружениях орудия эти оставались в небольших гарнизонах для крепостной служ-

⁵ История Узбекской ССР, т. I, кн. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 22.

⁶ Там же, стр. 23.

⁷ Сборник статей по истории и философии народов Средней Азии, Труды АН Тадж. ССР, т. XVII, 1953, стр. 215.

бы. Сохранились и такие орудия, которые и отлиты на русских заводах, но, будучи захвачены узбеками, подвергались некоторым переделкам. Пушки имеют соответствующие надчеканки.

При завоевании Туркестана царские войска захватили военные трофеи, в том числе и орудия. Например, при взятии Ташкента в 1865 г. было захвачено 48 медных и 15 чугунных орудий, 2000 пудов пороха и др.⁸ Большая часть среднеазиатских орудий после присоединения к России была перелита для разных целей, например на колокола для соборов и церквей⁹.

После создания Туркестанского музея (1876 г.) часть среднеазиатских орудий была передана Музею как исторические вещественные реликвии, а после Октябрьской революции все уцелевшие пушки были переданы в ведение Среднеазиатского комитета по охране памятников старины и искусства. В 20-е годы около двадцати пушек хранились во дворе Белого дома (ныне здание во дворе Совета Министров УзССР), где помещался главный Среднеазиатский музей. К сожалению, часть пушек была изъята из Музея во время кампаний по сбору лома цветных металлов в 1926—1933 гг.¹⁰ Некоторые экспонаты были размещены по областным музеям.

В настоящее время в Музее истории Узбекской ССР хранятся 4 медные пушки: две у входа в Музей и две — в залах экспозиции феодального периода.

Пушка № 1, бухарская (рис. 1), находится слева у входа, литая, медная, фитильная, орнаментированная. Головная часть имеет изображение дракона с открытой пастью. Из пасти выходит дуло пушки. Длина пушки 230 см, диаметр ствола 20 см, вес пушки 1762 кг. Имя мастера и место литья неизвестны. На конечной части пушки на персидском языке написано шестистрочное стихотворение:

امیر لشکر رستم توان همت دنخیت
بعهد خوش چنین توپ آثردها پیکر
چگونه توپ بهه کوشه اش هزار شکوه
دهد بعرضه عالم صدای ذتع ظفر

⁸ А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, Ташкент, 1911, стр. 47.

⁹ Там же, стр. 315.

¹⁰ Архив Музея истории АН УзССР, папка 196; л. 5; ЦГА УзССР ф. Р-394, оп. 1, д. 229, л. 9.

هزار جوف بیاجوج طنیستان امتان
 نمود صورت این توب سد اسکندر

1128 хиджры (1713 г.)

(„По велению могущественного, как Рустам, отлита для своего назначения эта пушка с драконовой головой. Эта пушка в каждом месте земли вызывает тысячи разрушений. Эта пушка миру дает звук славной победы. Подобно этой пушке стена Македонского наводила тысячи страхов на яджужев, которые владели сверхестественной силой талисмана“).

Рис. 1. Надпись на бухарской пушке.

Пушка № 2, кокандская (рис. 2), находится справа у входа, фитильная, орнаментирована, имеет мушку, лита из красной меди в Коканде от имени кокандского хана Малляхана в 1276 г. хиджры (1861 г.). Длина ствола равна 280 см, внутренний диаметр ствола — 18 см. Вес пушки — 1385 кг.

Пушка имеет надпись на персидском языке: توب حاصد کلان

1276 хиджры (1857 г.) („Это специальная большая пушка Саида Мухаммеда Боходур Малляхана“).

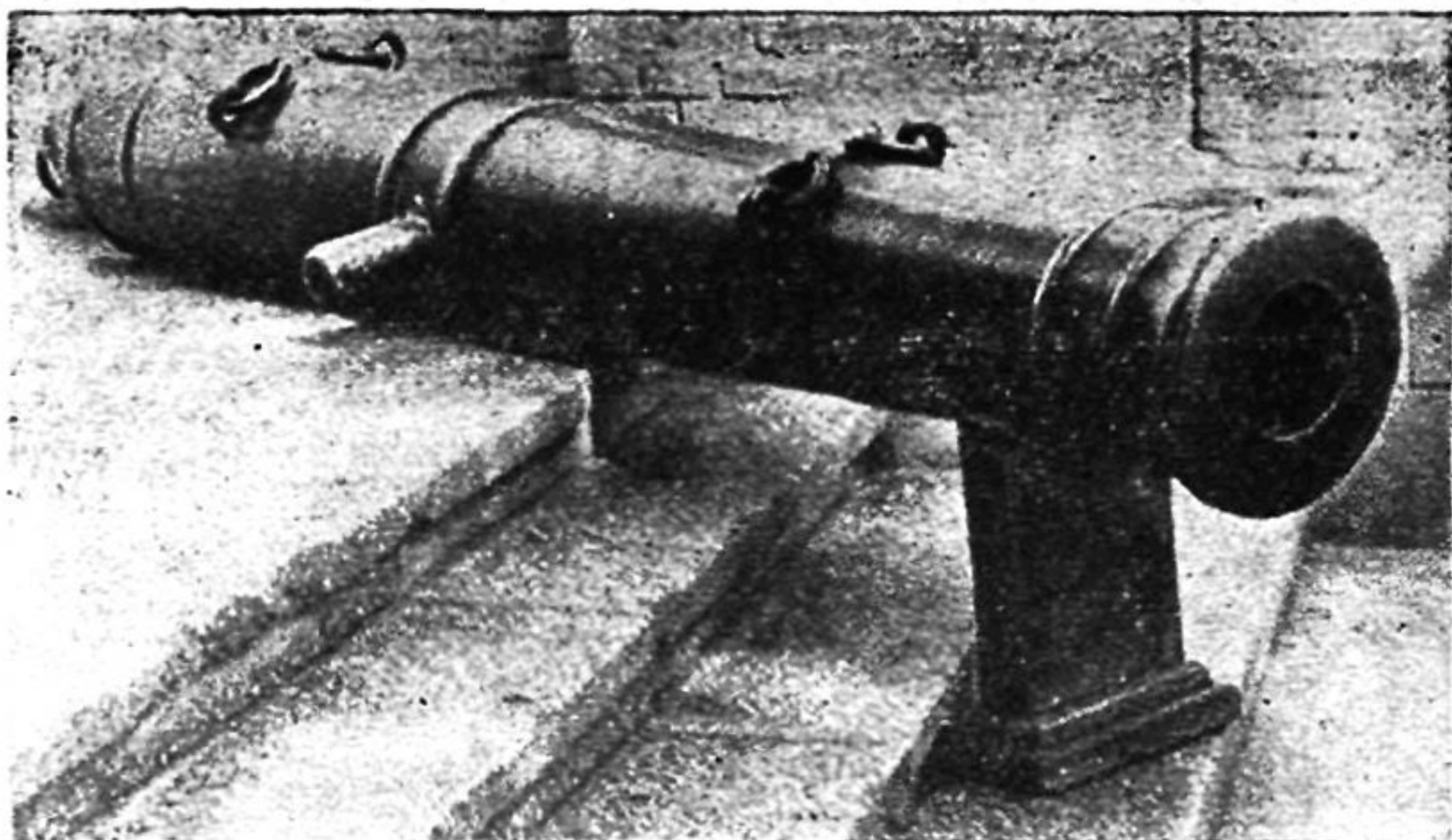

Рис. 2. Кокандская пушка.

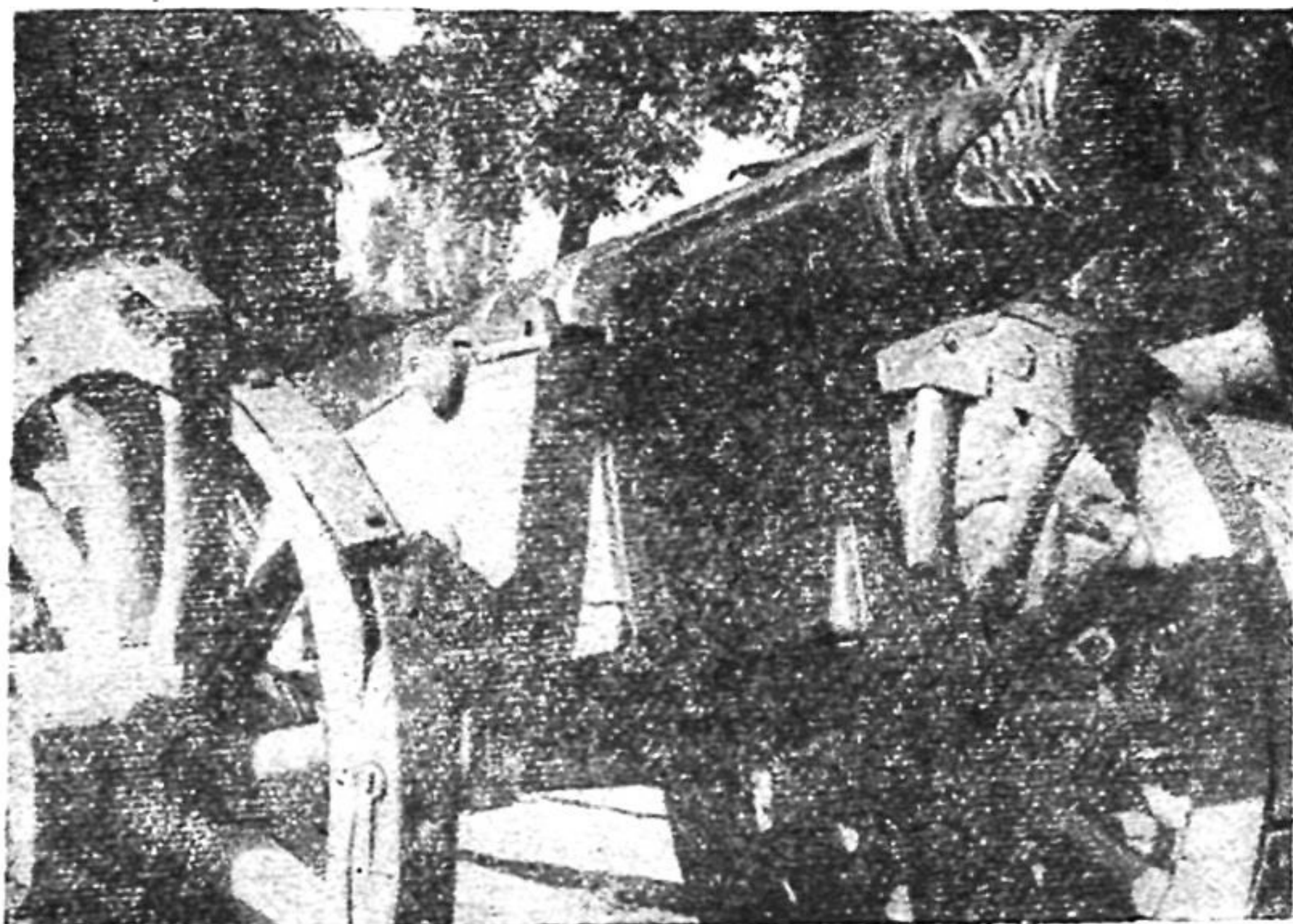

Рис. 3. Бухарская пушка на лафете

Ниже этой надписи следует другая, но меньшего размера, где указывается имя мастера عمل استا پرنظر („Работа мастера Пирназара“).

Пушка № 3, кокандская (рис. 3), находится в экспозиции феодального периода; с клиновым затвором, отлита из меди, дальнобойная. Имеет надпись на персидском языке:

دور امدار صاحب سيد محمد حدايار خان بهادر

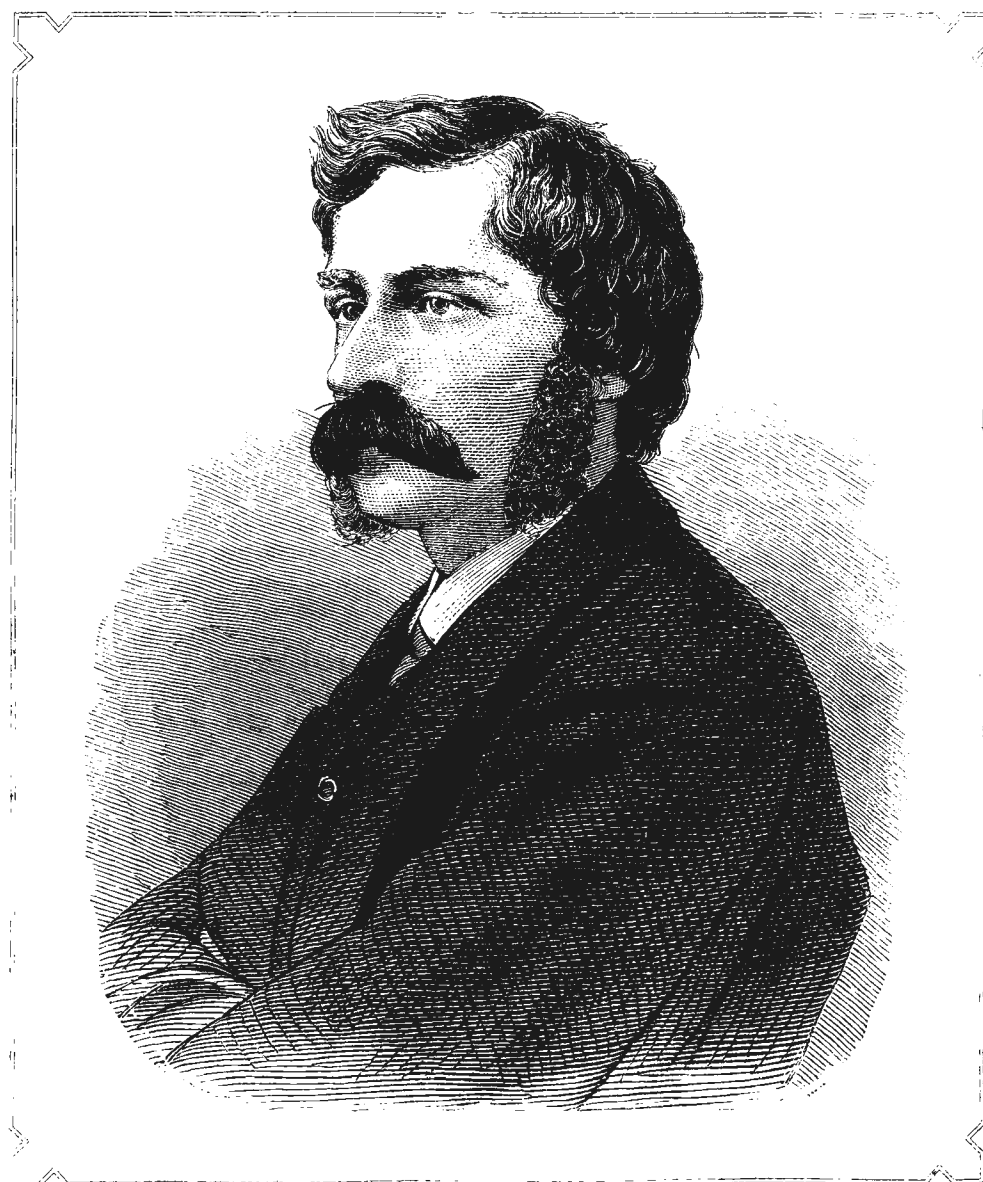
(„Время помощи господина Саид Мухаммед Худояр-хана Боходура“). Все эти пушки перевозились на лафетах.

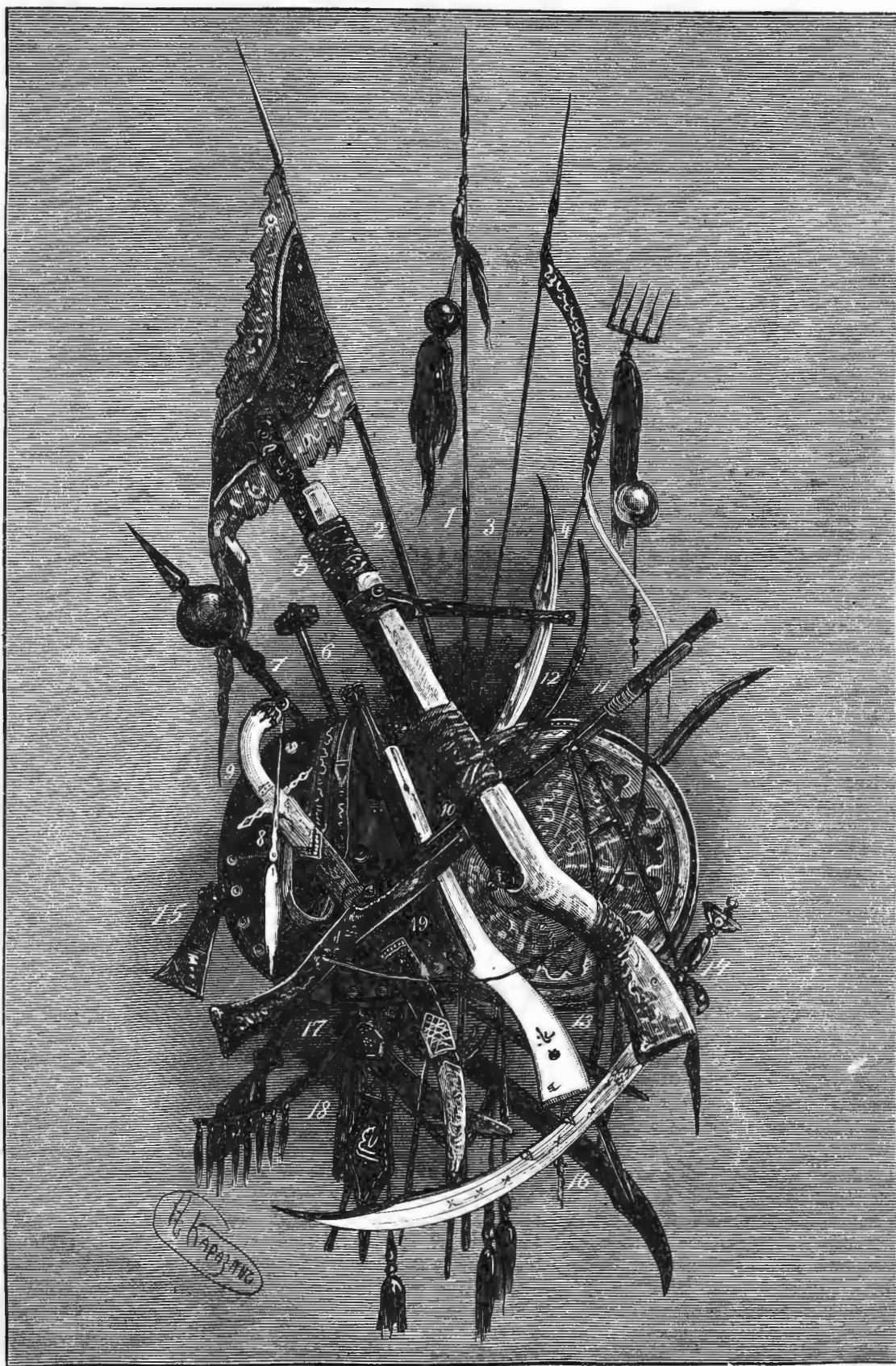
№ 15 **ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.** 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
 Выдавъ 8-го апрѣля 1874 года. **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.** Отдѣльные №№ „Нимы“ по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ПРИЛОЖЕНЫ «ВЕСЕННІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» ЗА АПРѢЛЬ СЪ 11 РИСУНКАМИ.

Бретъ Гартъ. Грав. Пене.

Оружіе и доспѣхи нашихъ противниковъ въ Средней Азіи. Рис. Н. Карзинъ, грав. Бергъ

ОРУЖИЕ И ДОСПѢХИ НАШИХЪ ПРОТИВНИКОВЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Читая о боевыхъ подвигахъ нашихъ войскъ въ центральной Азії, о тѣхъ успѣхахъ, грандіозныхъ и блистательныхъ, которые дѣлаетъ наше оружіе, пролагая широкій путь къ благимъ началамъ цивилизаціи и проникая все глубже и глубже въ полудикія, невѣдомыя до сихъ поръ страны,—и, конечно, читая обо всемъ этомъ съ понятнымъ любопытствомъ и вниманіемъ, мы не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ странныхъ обстоятельствахъ, которыя для непосвященныхъ кажутся чѣмъ-то совершенно необъяснимымъ, почти вымышленнымъ.

Напримѣръ: мы читаемъ извѣстіе о какомъ нибудь сраженіи, гдѣ русскій отрядъ численностью въ 10 — 12 ротъ, т. е. около полуторы тысячи человѣкъ, наноситъ окончательное пораженіе тридцати тысячнымъ массамъ непріятеля. Недоумѣніе наше растетъ еще болѣе, когда мы узнаемъ, что потеря наша ограничивается какимъ нибудь десяткомъ жертвъ—непріятель же «усыбываетъ степь своими тѣлами».

Что же это такое?... какой-же это непріятель?... не были ли это совершенно безоружныя толпы дикарей?... невольно приходятъ намъ на мысль такія предположенія. Но тутъ-же мы читаемъ и слѣдующее, окончательно уже сбивающее насъ съ толку:—мы узнаемъ, что у непріятеля этого было отнято нѣсколько десятковъ пушекъ и фальконетовъ, что непріятель этотъ, весьма дѣятельно поддерживалъ артиллерійскій и ружейный огонь—и прекратилъ его только тогда, когда обратился въ полное бѣгство, оставивъ въ нашихъ рукахъ и пушки свои, и обозы, и палатки, спасая свою жизнь, разсѣываясь во всѣ стороны, подъ вліяніемъ страшной, неотразимой паники.

Значитъ: есть что-то такое, дающее этотъ перевѣсъ нашимъ малочисленнымъ войскамъ, этимъ горстямъ героевъ, оторванныхъ отъ родины, отъ всего дорогаго сердцу, забросанныхъ въ самую глубь чужой стороны, этихъ безвѣстныхъ пионеровъ цивилизаціи.

Эта могучая сила состоитъ изъ двухъ элементовъ: первый—это дисциплина и строгое сознаніе долга; второй — полнѣйшее превосходство оружія. Первое помогаетъ намъ бороться съ всѣми лишеніями и ужасами, которые на каждомъ шагѣ ставятъ намъ негостепріимная дикая природа,—второе, помогая первому, родило Ташкентъ, Ирджаръ, Ходжентъ, Джюзакъ, Ура-гюбе, Самаркандъ, Зарабулакъ и наконецъ Хиву—эти безсмертные боевые подвиги нашихъ «бѣлыхъ рубашекъ» *).

Не стану описывать нашего оружія, оно болѣе или менѣе извѣстно каждому; я ограничусь только подробнымъ очеркомъ средне-азіятскаго вооруженія и разберу по частямъ красивую арматуру, предложенную читателямъ на одной изъ страницъ нынѣшняго номера «Нивы». Тогда для каждаго будетъ ясно многое то, что казалось ему темнымъ съ перваго раза; тогда, вѣроятно, читатели будутъ съ большимъ довѣріемъ относиться къ реляціямъ и военнымъ донесеніямъ изъ Азії, и поддержатся отъ двусмысленной улыбки и сомнительнаго пожиманія плечъ.

1, 2, 3 и 4 значки начальниковъ и предводителей, бунчуки и пики на длинныхъ гибкихъ древкахъ, сдѣланныхъ или изъ цѣлаго молодого дерева, или изъ китайскаго бамбука, или же изъ клинообразныхъ кусковъ какъ обыкновенно приготавливаются бильярдные кій. Послѣдніе, впрочемъ, исключительно встрѣчаются только у знаменъ и значковъ, служащихъ признакомъ власти,—но не употребляются непосредственно какъ оружіе, по причинѣ своей хрупкости и недостаточной эластичности. Самая странная изъ нихъ—это туркменская камышевая пика съ волосанымъ пучкомъ подъ своимъ короткимъ, тонкимъ, острымъ какъ ножка циркуля остриемъ. Эта пика въ рукахъ опытнаго ловкаго наѣздника неотразимо смертельное

оружіе — и потому нашъ солдатъ очень хорошо дѣлаетъ, не позволяя врагу воспользоваться своимъ оружіемъ и ссаживая его съ лошади пулею, едва только онъ подскочитъ на приличное разстояніе.

Знамена рѣдко встрѣчаются съ четверугольнымъ полотномъ, болѣею частію они дѣлаются въ видѣ вытянутаго треугольника краснаго цвѣта вышитаго красивымъ узоромъ изрѣченій изъ корана чернымъ и бѣлымъ шелками. Коймы знаменъ иногда вырѣзываются зубцами, иногда обшиваются бахромой и кистями. У бунчуковъ часто подвѣшиваются металлические, пустые шары и конскіе хвосты, что придаетъ имъ необыкновенно своеобразный видъ (ф. 1 и 4).

Вилообразные, многоконечные бунчуки рѣдко встрѣчаются въ войскахъ, они должны служить боевыми эмблемами надъ могилами павшихъ богатырей (ф. 4).

Теперь перейдемъ къ саблямъ («клинчъ»).

Въ Средней Азії вы чрезвычайно рѣдко встрѣчаете хорошо-закаленные клинки, рубящіе гвозди, стругающіе желѣзо и дѣлающіе тому подобныя бесполезныя подвиги, какими гордятся перекаленное до нельзя знаменитое кавказское оружіе. Здѣшній батыръ считаетъ лучшимъ достоинствомъ клинка его остроту; оттачиваетъ его какъ бритву и, пользуясь мягкостью своего оружія, тотчасъ же съ помощью карманнаго оселка приводитъ свой клинчъ опять въ порядокъ, едва только онъ затупится о вражескую кость, едва только загнетъ его тонкое жало... что невозможно, по крайней мѣрѣ неудобно сдѣлать съ перекаленнымъ клинкомъ, по хрупкости послѣдняго.

Ф. 12. Клинокъ ятагана съ лукообразными вырѣзами по спинкѣ, тяжелый и весьма неудобный при выниманіи и вкладываніи обратно въ ножны; встрѣчается довольно рѣдко.

Ф. 9. Бухарская сабля, роскошное и дорогое оружіе. Красиво выгнутый эфесъ, выточенный изъ слоновой кости, украшенъ на концѣ серебряною ажурною оковкою и длинною бѣлою кистью; бархатные ножны окованы золотомъ и серебромъ, отдѣланы чеканенымъ узоромъ, бирюзою и даже дорогими камнями. Цѣнность этихъ сабель доходитъ часто до весьма крупныхъ цифръ, и, понятно, дѣлаетъ ихъ принадлежностью весьма не многихъ избранныхъ. Подобная сабля была прислана бухарскимъ эмиромъ генералу Абрамову, послѣ взятія имъ г. Копиши, занятая инсургентами.

Ф. 14. Авганская сабля, съ желѣзною рукою, замѣчательна какъ по формѣ своего широкаго клинка, такъ и по своей необыкновенно изящной ручкѣ.

Ф. 15. Топорикъ (балта) (чеканъ) носится за поясомъ и, смотря по своей рукояткѣ, золотой, серебряной, или же просто обтянутой цвѣтнымъ бархатомъ, служитъ признакомъ сана и должности.

Ф. 17 и 18. Поясной ножъ (псякъ) съ рукояткою, совершенно уходящей въ ножны, и кошель для запасныхъ кремней и боеваго фитиля изъ зеленой кожи, вышитой золотою ниткою.

Самое оригинальное, допотопное оружіе—это разнообразныя булавы, какъ ихъ здѣсь называютъ батикъ (ф. 7 и 6), оружіе не смотря на всю свою дикость довольно внушительное въ рукопашной схваткѣ,—особенно ф. 6, представляющая довольно тяжелую чугунаую шишку, насаженную на тонкомъ, гибкомъ какъ хлыстъ камышовомъ или буковомъ древкѣ. Эта шишка со свистомъ рѣжетъ воздухъ, описывая кругъ,—и горе тому тѣлу, которое подвернется подъ этотъ губительный розмахъ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ оружіе холодное, не представляющее никакихъ особыхъ преимуществъ передъ нашимъ холоднымъ же оружіемъ,—мы перейдемъ къ мултукамъ, фальконетамъ и пушкамъ, этимъ дѣателямъ такъ-называемаго «огненнаго боя».

Ф. 5. Крѣпостное ружье, фальконетъ. Тяжелое, безобразное, неповоротливое оружіе совершенно ясно и понятно изображенное на нашемъ рисункѣ. Тяжелый чугунный стволъ, болѣе полутора дюйма въ діаметрѣ канала, привязанъ сыромятными ремнями къ такой-же неуклюжей тяжелой ложѣ. Стволъ этотъ тоже покрытъ неизбѣжными изрѣченіями изъ ко-

*) Акъ-кулмахъ—прозвище, которымъ туземцы окрестили нашего солдата по цвѣту его одежды.

рана и разнымъ узоромъ, заряжается большою пулею, обернутой насаленной тряпкою, — заряжается очень неудобно, медленно, такъ что едва только каждыя десять минутъ можетъ дѣлать по одному выстрѣлу; къ нему прилагана желѣзная подпорка, безъ которой немислимо было бы ворочать его чело-вѣческими руками; страшно отдастъ при каждомъ выстрѣлѣ и даже опрокидываетъ стрѣляющаго. Огонь сообщается заряду посредствомъ пропитаннаго селитрянымъ растворомъ фитиля, одинъ конецъ котораго намотанъ на прикладъ, а другой защеменъ въ развилку проволочнаго крючка, изогнутаго въ видѣ буквы S и двигающагося на шарнирѣ; если потянуть за нижній конецъ этого крючка, верхній тотчасъ же клонется въ отверстіе задняго конца ствола, насыпанное порохомъ и такимъ образомъ произойдетъ выстрѣлъ, предшествуемый, обыкновенно, сильною вспышкой изъ затравки, обжигающей брони и бороду полудикаго стрѣлка.

При большемъ углѣ возвышенія, пуля летитъ довольно далеко и, благодаря своей неправильной формѣ, прорѣзываетъ воздухъ съ какимъ-то ревомъ и визгомъ, очень хорошо извѣстнымъ нашему солдату.

Ф. 11. Легкое ружье (мултукъ), съ подсошкой, заряжается такъ же какъ и первое и съ такимъ же фитильнымъ крючкомъ; это собственно оружіе пѣхотинцевъ но часто встрѣчается у конныхъ. Послѣдніе для каждаго выстрѣла должны слѣзть съ лошади, и держа за поводъ робкое, напуганное выстрѣлами животное, садиться на землю, устанавливать подсошку и тогда уже стрѣлять, — понятное дѣло, надѣясь только на аллаха и свою пулю, «которая должна же найти наконецъ виноватаго». Большою частью пули, вылетѣвшія изъ подобнаго оружія, оказываются несравненно гуманнѣе самихъ стрѣлковъ — и вопреки ихъ желанію летятъ съ жалобнымъ визгомъ совсѣмъ не туда, куда хотятъ эти послѣдніе.

Ф. 19. Короткій фитильный же карабинъ конныхъ войновъ, безъ подсошки. Стрѣльба изъ этого оружія еще менѣе дѣйствительна, принимая во вниманіе, неспокойно стоящую лошадь, неловкость приклада и боязнь стрѣлка отдачи и затравочной вспышки, заставляющей его предварительно закрыть глаза и даже отвернуться въ сторону.

Кромѣ фитильнаго оружія, встрѣчается иногда и кремневое и даже ударное, — но это послѣднее, большою частью, испорченное до нельзя европейское оружіе, благодаря частымъ поправкамъ и передѣлкамъ неумѣлыхъ мастеровъ доведенное до полной негодности.

Такими ружьями вооружены регулярные пѣхотинцы бухарскаго эмира и другихъ средне-азиатскихъ владыкъ. Изъ цѣлыхъ кучъ подобнаго оружія, взятаго въ Самаркандѣ, невозможно было найти и одного экземпляра, хотя сколько нибудь могущаго исполнять свое прямое назначеніе.

Представителями классической древности служатъ щиты и даже наивный лукъ съ камышевыми стрѣлами, отваживающійся идти на состязаніе съ нашими штуцеромъ Бердана.

Впрочемъ, щиты эти совершенно утратили свое прямое назначеніе, а сохранились только какъ признаки власти и сана; они большою частью бываютъ кожаные — и украшены или тисненымъ золотымъ узоромъ или же металлическими, чешуеобразными бляхами и даже золотыми монетами.

Поставьте теперь противъ этого, описаннаго нами, оружія, какъ бы оно ни было многочисленно, нѣсколько десятковъ «берданокъ», стрѣляющихъ чуть не на версту и посылающихъ пули одна за другою — по тридцати штукъ въ минуту — и вамъ ясны будутъ результаты, кажущіеся съ перваго взгляда невѣроятными.

Объ артилеріи нашихъ противниковъ въ Средней Азіи, мы поговоримъ въ другой статѣ; теперь же ограничимся только тѣмъ, что наши пушки и мирильезы составляютъ съ дѣйствительно многочисленными пушками непріятеля еще болѣе поразительный контрастъ чѣмъ ручное огнестрѣльное оружіе.

Тѣ знаменитыя пушки чудовища, которыя украшаютъ въ Москвѣ зданіе арсенала и грановитой палаты, даютъ уже нѣсколько понятія объ артилеріи азиатскихъ воителей; а если и встрѣчаются, понавѣшаные черезъ Авагистанъ въ Бухару, старыя англійскія пушки, то они тоже, временемъ и неумѣніемъ обращаясь, доведены до полнѣйшей негодности къ употребленію.

Н. Каразинъ.

Кострома,

(Окончаніе).

Сказавъ о памятникѣ стоящемъ на Костромской площади, стоитъ замѣтить о самой площади, какъ увидимъ едва-ли не единственной въ своемъ родѣ въ Россіи, свидѣтельствующей о счастливой сообразительности первоначальныхъ строителей города и пробуждающей нѣкоторыя историческія воспоминанія. Занимая значительное пространство, отлично вымощенная камнемъ и ровная какъ листъ бумаги, костромская площадь съ одной стороны своей открыта къ р. Волгѣ, съ другихъ окаймлена лучшими въ городѣ зданіями, гостиннымъ дворомъ, присутственнымъ мѣстами, домами церкви Св. Благовѣщенія, домомъ прежде бывшимъ генерала Борцова и теперь принадлежащимъ окружному суду (здесь останавливался Императоръ Николай I), домами двухъ владѣльцовъ Лопухина и Григорова и въ заключеніе красивою съ гаушвактою каланчею (послѣднее произведеніе бывшаго архитектора художника Ойрсова). Уже по этой одной обстановкѣ площадь можетъ почитаться одною изъ красивѣйшихъ. Но красота ея еще болѣе увеличивается по другому, слѣдующему обстоятельству. Въ то время какъ (извѣстно не намъ однимъ) площади въ другихъ городахъ находятся совсѣмъ не у мѣста, какъ напр. у сосѣда Ярославля, въ которомъ площадь неизвѣстно почему приткнулась къ самому въѣзду въ городъ съ Костромской стороны, оставая совсѣмъ позади себя весь городъ, — мѣсто для Костромской площади избрано въ самомъ центрѣ города, въ центрѣ, въ которомъ соединяются въ формѣ звѣзды всѣ безъ исключенія главныя улицы города, какъ-то: Мшанская или Московская, Царевская, Еленинская или Смоленская, Павловская, Марьянская, Благовѣщенская, Русина *) или Кинешемская, Нижне-Дебринская, Молочная. Говорятъ, что Императрица Екатерина II, во время извѣстнаго своего путешествія по Волгѣ въ гребной флотиліи, посѣтивъ Кострому любовалась городскою площадью и выразила о ней одобрительной отзывъ своимъ приближеннымъ; а Императоръ Николай I, посѣтивъ Кострому въ 1839 г., слѣд. за долго еще до открытія Сусанинскаго памятника, Высочайше повелѣлъ именовать площадь Сусанинскою.

*) Названіе улицы Русиной свидѣлствуетъ о ея давности: съ этимъ названіемъ существовала улица въ Великомъ Новгородѣ.

Если обиліе и благолѣпіе храмовъ въ извѣстной мѣстности можетъ свидѣлствовать о набожности обитателей этой мѣстности, то Кострома имѣетъ свыше 35 церквей, включая сюда монастыри, — и всѣ церкви хорошо украшены. Первенство изъ нихъ принадлежитъ Боголюбленскому монастырю, за нимъ слѣдуютъ: церковь во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, св. Покрова Божіей Матери, св. Іліи Пророка, двѣ церкви Козмы и Даміана, св. Благовѣщенія и св. Михаила Архангела. Бѣднѣею изъ церквей считается св. Стефана Сурожскаго Чудотворца, которая расположена въ концѣ города по набережной, въ мѣстѣ, зимою заносимомъ снѣгомъ, а весною заливаемомъ водою, и большая часть прихожанъ которой, суть крестьяне ближайшихъ къ городу деревень: Черной и сосѣднихъ разнаго названія.

Главною мѣстною святынею считается въ Костромѣ Феодоровская чудотворная икона Богоматери, въ Успенскомъ Соборѣ.

Объ иконѣ этой сложилась священная повѣсть, относящаяся къ началу образа въ 1239 году нашего теперешняго лѣтосчисленія.

Былъ княземъ въ Костромѣ тогда, сынъ Юрія Всеволодовича, Василій прозваніемъ *квашня*. Вотъ онъ, на другой годъ послѣ нашествія лютыхъ полчищъ Батия, когда слѣды разрушенія вездѣ были еще свѣжи, разъ отправившись, на охоту, 16 августа, увидѣлъ на деревѣ образъ. Благочестивый князь сошелъ съ коня, приблизился къ дереву — и только хотѣлъ взять чудную находку, какъ она, невидимыми руками, приподнята выше. Влѣзая на дерево, князь не одинъ разъ приближался къ иконѣ, но она отъ рукъ все поднималась, постепенно. Чудо такое заставило религіознаго князя Василія отложить охоту, воротиться въ городъ, созвать духовенство и привести крестный ходъ къ мѣсту — гдѣ нашелъ онъ икону. Съ совершеніемъ здѣсь молебствія, икона далась въ руки священникамъ и торжественно перенесена въ городъ. Варіантъ сказанія добавляетъ, что нѣсколько прежде находки князя какіе-то благочестивые жостромичи видѣли по Мшанской (теперь Московская) улицѣ икону, несенную молодымъ воиномъ, подобіе котораго — какъ объясняли они — схоже съ изображеніемъ на иконѣ св. Феодора стратилата. И это будто бы сказаніе видѣвшихъ — заставило внесенную въ городъ икону поставить въ построенной обывденной церкви, освященной во имя великомученика